

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр.8-10

стр.12-13

**ДИНА РУБИНА.
О настоящем**

Бульварные новости

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№37 (66)
СЕНТЯБРЬ 2021

**Владимир Меньшов:
«я был
мечтателем»**

стр.6-7

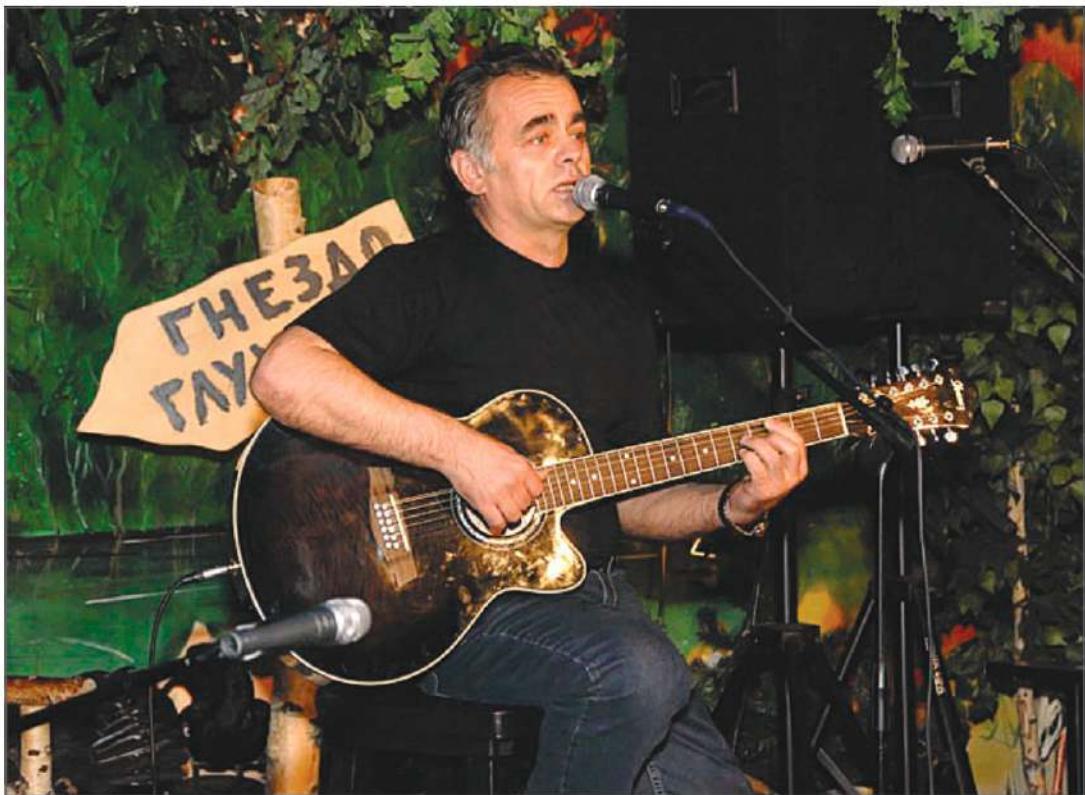
**МИККИ
РУРК:
НЕУГОМОННАЯ
ЗВЕЗДА**

стр.14-15

БОЙТЕСЬ СВОИХ ЖЕЛАНИЙ

С Владимиром Мирзой мы знакомы столько лет, сколько, как говорят, не живут. Член Союза писателей Северной Америки, композитор, поэт, автор шести музыкальных альбомов, лауреат и номинант. Его песни звучат на радио, в спектаклях, с эстрады. А еще он врач, альпинист, путешественник и просто отличный друг.

Геннадий Норд

— Ты врач. А из врачей всегда получались выдающиеся деятели искусств — Чехов, Вересаев, Горин, Арканов, Розенбаум. Правда, они все завязывали с врачебной работой.

— А я, в отличие от них, продолжаю свою врачебную практику. Врач — это моя основная профессия. Я окончил санитарно-гигиенический факультет мединститута в своей родной Караганде. Поступил именно на этот факультет, потому что, не был уверен, что со своим скверным характером смогу лечить людей. А когда уже проходил практику, понял, что на самом деле именно лечебное дело — это мое призвание. В итоге получил специальность по общей терапии, а поскольку мечтал о том, чтобы лечить людей без лекарств, освоил дополнительно иглорефлексотерапию, еще в студенческие годы освоил массаж.

— То есть ты всю жизнь работаешь по специальности?

— В общем, да. Но только в разных местах. В Москву пригласили работать с Михаилом Ходорковским в 2003, потом был непростой период. Где только не работал, в центре Бубновского, в специальной школе, помогал футбольному клубу «Торпедо-РГ», в частных медицинских центрах. А до Москвы лечил в основном спортсменов, прежде всего футболистов и волейболистов, боксеров, ну и альпинистов, когда был в горах.

— Значит, от клиентуры у тебя нет отбоя?

— Да, люди находят. Когда в одном лице сочетается массаж, мануальная терапия, абдоминальная терапия, иглорефлексотерапия можно реально помочь человеку в короткий срок. А так как лечение многих привлекает.

— Если простым языком, что это за зверь такой — абдоминальная терапия?

— Это работа с внутренними органами, путем обдавливания. Старинная техника которую я освоил благодаря Александру Тимофеевичу Огулову. Всё новое — хорошо забытое старое.

— Я знаю, что ты многое повидал на своем веку. Это как-то отражается в твоих песнях?

С Галиной Улётовой

— Всё относительно. За спиной немало лет, и много всякого было в жизни, но мне кажется, что во мне тот же малышка, которому всё было интересно. Радуюсь краскам нового дня, общению с друзьями, зелени травы и пению птиц. Одним словом люблю этот мир. В каждой своей песне пытаюсь передать то, что пережил когда-то сам, или то, что произошло с близкими мне людьми, и как-то прочувствовано. Трогают чужие стихи, которые цепляют какие-то глубинные струнки души и рождают музыку.

— О чём твои песни?

— О жизни, о любви. Я, честное слово, и сам не знаю что мне ближе всего — музыка или стихи. Когда как. Что-то такое находит, рождается внутри такого чувства, что превращается в мелодию или складывается в стих, и остается только записать все это. Зачастую лёгкие в начале, лиричные строчки постепенно начинают развенчиваться серьёзными размышлениями, жизненной философией.

— Как пришли любовь к гитаре и музыке?

— Гитара в моей жизни — это отдельная история. Когда я рос, магнитофоны и телевизоры были не у всех, а во дворе собирались постарше с гитарой, играли, пели. Мы крутились возле них, интересовались, просили показать аккорды. Мне было двенадцать лет, когда бабушка купила мне гитару. Во дворе показали три аккорда — так и прошло.

— Ты ведь ещё и альпинизмом увлекаешься. А гитара в походе вещь незаменимая.

— Учился я в Караганде. После вуза меня распределили в Павлодар, я работал в спорткомплексе. Как-то ребята предложили съездить в курортное место Баянаул на краю Казахского мелкосопочника — красивейшие места: озёра, скалы, лес. Это был мой первый выезд в горы. Там как раз и познакомились с альпинистами, которые уговарили меня поехать на альпиниаду. Поскольку

я врач, то меня охотно включали в состав команд алпинистов, ведь когда в группе есть врач, легче подписывают разрешение на маршрут. С ними я совершил восхождения, а на Алтае получил значок алпиниста СССР.

Любое восхождение — это экстремальное напряжение тела и духа, после чего нужен какой-то период расслабления. И гитара как средство релаксации тут незаменима. Ребята там такие, что любят хорошие песни под неё слушать. Со временем появилась потребность не просто перепевать чужие песни, а передавать свои ощущения и впечатления, полученные во время горных восхождений, в других жизненных ситуациях, с которыми довелось столкнуться.

Всё так тесно переплелось...

—Альпинистам еще твой чудесный напиток нравится. О нем даже легенды слагают. «Мирзаква». Я про-бовал. Очень и очень!

На самом деле, там ничего хитрого нет: берётся хороший чистый медицинский спирт, доводится до 70-ти градусов, потому что это процентное соотношение лучше экстрагирует все элементы из травы, закладывается туда полынь обыкновенная и добавляется немножко меда. Напиток приобретает изумрудный цвет, приятный запах и оригинальный вкус. Затем крепость снижается до 45 градусов и можно пробовать.

—А «мирзаквой» его называли исходя из твоей фамилии?

—И это тоже. Но напиток очень коварный: пьётся легко, но потом человек встать не может. Когда пьют, говорят: «Что это за компотты привез?». А в этом компоте сорок с лишним градусов.

—А рецепт откуда?

—Сам придумал.

—Авторские права?

—Не защищены.

—А зря.

—На самом деле, невозможно на все случаи жизни застраховаться. И если каждый свой шаг страховать, это уже не жизнь будет.

—Может, ты и прав! Карагандинцы тебя считают своим земляком, павлодарцы тоже. Теперь и москвичи. А сам ты как считаешь?

—Я люблю все три города. С ними связаны и детство, и юность, и мое становление. В них живут мои друзья. Родился в Караганде. По распределению приехал в Павлодар. Еще в институте я играл в оркестре на бас-гитаре. И в Павлодаре умудрился в первый год работы поплыть на танцах в Доме культуры. Хорошее время было!

—Подрабатывал?

—Да какая там подработка — одно название. Больше для души. Потом я это бросил. Ведь, если ты пойдёшь для души, ты должен петь то, что тебе нравится. А если для тебя это работа — за неё должны соответственно платить. Если нет ни того, ни другого, значит, нужно бросать.

—Чтобы играть в оркестре, необходима профессиональная подготовка.

—У меня нет музыкального образования. Даже нет не знаю.

—Уже, наверное, выучил?

—Всё, что я делаю, связанное с музыкой, — это только на слух. Раньше люди играли и пели? Думаю, далеко не все знали ноты — я имею в виду народное творчество.

—Акыны, например?

—Да, будем считать, в какой-то мере я — акын.

—То есть, медицина и музыка идут параллельно с самого начала твоей сознательной жизни?

—В университете я сделал выбор в сторону медицины. А сейчас в Москве стал больше заниматься музыкой: и выступления есть, и на радио крутят. Согласен бросать врачебную практику я не хочу, потому что люблю работу, которой занимаюсь. В то же время не хочу бросать музыку, потому что сейчас это для меня значительно серьезнее, чем было по молодости.

—Если музыка — это отдушина, что тогда медицина?

—Медицина — это работа, которая на сегодняшний день позволяет жить и заниматься творчеством. Потому что

На вечере памяти Риммы Казаковой. В центре — Геннадий Норд и Владимир Мирза

получается так, что многие мои пациенты становятся моими слушателями, а многие слушатели становятся моими пациентами.

—А к музыкальной терапии не прибегал?

—Интересный вопрос. Еще в Павлодаре, когда был записан первый альбом «Зеркало души», я встретил одного знакомого, который вёл группу здоровья. Занимавшиеся у него бабушки купили кассеты с моими песнями, и он мне радостно говорит: «Слушай, у тебя кассеты лечебные». Я спрашиваю: «Почему?» — «Бабушки сказали, они давление снимают, головная боль проходит». Я посмеялся по этому поводу, но, может быть, спокойная музыка и оказывает такое воздействие на человека.

Все в природе связано с ритмом. Работа сердца — ритм, движение — тоже, и музыка. Почему, когда играет тяжёлый рок, пульсирующая музыка, у людей повышается агрессия? А спокойная музыка более гармонична и, поэтому, вполне возможно, что она успокаивает.

—То есть в медицине и музыке много общего?

—Думаю, что да.

—Вот мы и вернулись к тому, с чего начали — поэтому среди авторов-исполнителей так много врачей: Александр Розенбаум, Владимир Мирза, Алексей Морозов, Игорь Семеняев.

—Знаешь, медицина — это творческая профессия. Каждый человек приходит со своей проблемой, и если ты

работаешь не по шаблону, то даже с однинами и теми же жалобами всегда есть что-то новое. Поэтому медицина — это творческая работа, и музыка — это тоже творческая работа. Может быть, потому что эти направления близки, среди врачей много поющих. Но думаю, что многое поющих и среди других профессий.

—Ты поёшь, часто выступаешь, записываешь клипы. И везде нужно проявлять актёрские умения. А есть ли у тебя такой опыт в кино?

—Небольшой и довольно курьёзный. Гостил у меня друг Александр Васильев, подрабатывавший на киносъёмках. Позвонили ему с киностудии, а к телефону подошёл я. Звонившему понравился мой голос, и, как в известном фильме, меня спросили: «А не хотите ли попробовать себя в кино?» Мне нужно было изобразить пьяного тракториста, из-за которого произошла авария. Посмотрел я, как всё это делается, ознакомился с киношной кухней поближе, поучаствовал в эпизоде, потерял день и решил, что с менем довольно. На этом мои киносъёмки завершились.

Ещё был спектакль «У открытой двери» или музыкальная постановка, даже не знаю, как правильно назвать. Там использовались мои песни и стихи Риммы Казаковой.

—Ты пишешь музыку. А исполняешь песни других авторов?

—Как правило, во всех композициях музыка моя. Но я музыку не пишу, я её налёпаю, потому что ноты не знаю. До сих пор жалею, что не получил музыкального образования. Хотел научиться играть на фортепиано, но оно в те времена было очень дорогим инструментом. Может, это в какой-то мере и лучше, ведь, не зная правил, поёшь и пишешь так, как на душу ляжет. А написать музыку я могу только на те стихи, которые меня трогают, заставляют чувствовать и думать.

—Ты сам считаешь себя бардом?

—Меня вообще это слово «бард» напрягает. Мне ближе словосочетание автор-исполнитель, то есть человек, который сам написал что-то и сам поёт.

—Разве это не синонимы?

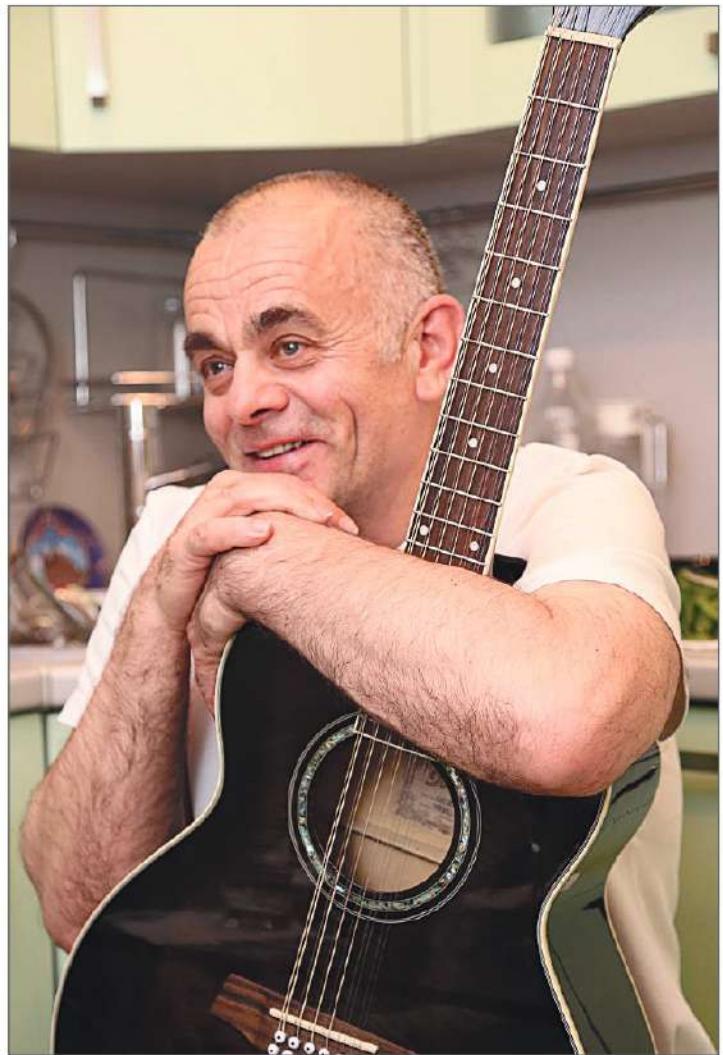
—Направление бардов предполагает более богатые литературные формы, более высокую поэзию, а у меня простые поэдесневные слова. И вообще я не сторонник того, чтобы раскладывать все по полочкам. У меня один критерий к песням и к музыке: нравится или не нравится, трогает меня или не трогает. Я могу даже не знать, что это, и в каком стиле написано. Например, Высоцкого бардом считают?

—Да.

—А его песни, спетые под оркестр — бардовские?

—Сложный вопрос.

—Некоторые считают: взял гитару, сел возле костра — это бардовская песня. А если я буду петь что-нибудь из «Rolling Stones»?

Окончание. Начало на с. 8-9

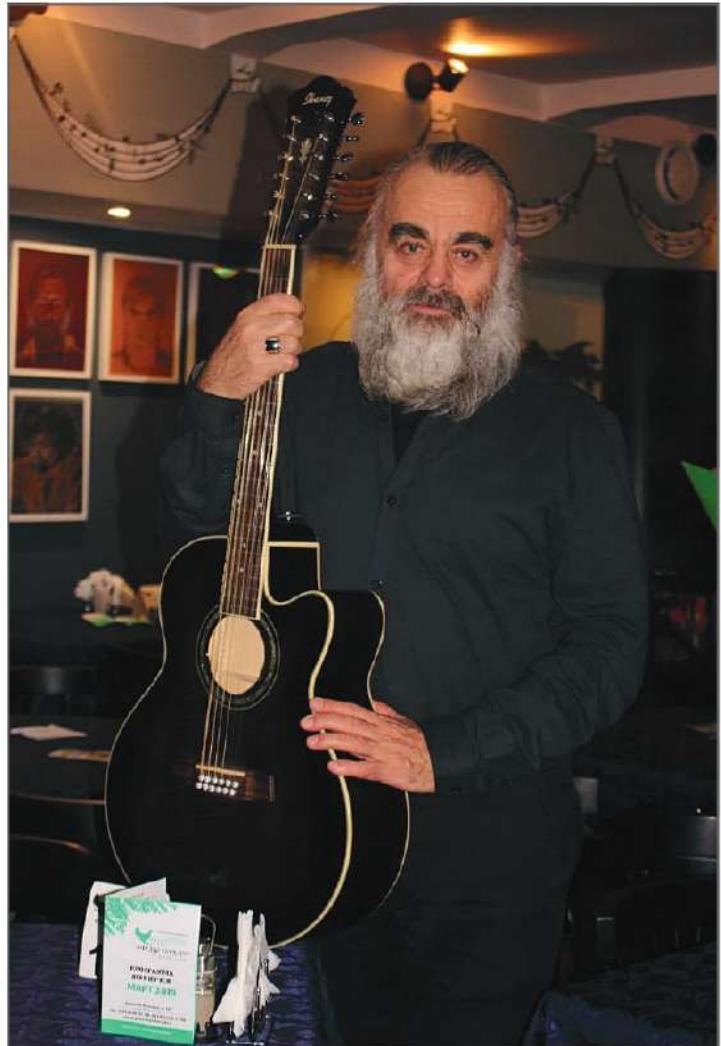
— Твои песни как рождаются — в мухах или мгновенно?

— Я вообще мало пишу. Есть люди, у которых по 200–300 песен, а у меня всего около пятидесяти. Чаще всего пишу долго. Редко бывает так, чтобы сел и за короткий период сразу написал. Могу найти фразу и мучиться неделю, две, месяц, потом откладываяшь, снова возвращаешься и в какой-то момент понимаешь, что вроде все, сложилось. Или так бывает, что написал четверостишие, оно лежало долго-долго, потом написал песню, совсем к нему не относящуюся, но когда взял эти листки, оказалось, что из

одного вытекает другое, и очень органично совместились. Иногда думаешь о том, что ты — как проводник: либо ты в состоянии донести то, что идет через тебя, либо нет. Что-то смутное в тебе зреет, и не всегда можешь достаточно внятно сказать, что ты чувствуешь. Когда это удается, радуешься сам, а если это еще кому-то нравится...

— Твой слушатель — какой он?

— Наверное, в первую очередь, думающий. На мои концерты приходят те люди, которые задают себе вопрос: «Для чего мы живем?». Иногда говорят, что у меня много грусти в песнях. Может быть, хотя мне как-то сказали, что у меня песни грустные, но это светлая грусть.

— Чему ты отводишь главную роль в своем жанре: исполнительному мастерству или?..

— Авторская песня как раз не предполагает обязательного высокого мастерства. Здесь для меня, по крайней мере, важно, насколько органично человек может передать что-нибудь, насколько органично сочетание музыки и слов, потому что песня — это только то, что неразрывно: когда и музыка без стихов теряется, и стихи без этой музыки пропадают. Булат Окуджава очень слабенько играл на гитаре, но у него великолепные песни — это авторская песня. Есть люди, которые великолепно владеют гитарой, а песни по содержанию «никакие».

— Ты играешь на двенадцатиструнной гитаре. В чем ее преимущества?

— Звучание богаче. Значительно. Есть еще один момент: по шести струнам тяжелее попадать, а здесь промахнешься по одной — попадешь по другой.

— Чужие авторские песни слушаешь или нет, чтобы ненароком не попасть под влияние?

— Сложно написать что-то абсолютно свое, ни на кого не похожее, потому что нет всего семи, и слов в русском языке хоть и много, но темы, которые волнуют каждого человека, повторяются: одиночество, любовь, ненависть, природа.

— А твои песни еще кто-то поет?

— Поют и в Павлодаре, и в Караганде, и в Алматы, и в Германии. Кто-то еще, может быть, поёт. Для чего человек пишет песни и поёт их — для того, чтобы кто-то еще услышал. А если они кому-то понравились — ради Бога, я только радоваться должен, что эти песни еще кто-то поёт кроме меня.

— Ты уехал покорять российскую столицу в довольно зрелом возрасте — немногие решаются на такие перемены в жизни.

— У меня было заманчивое предложение, от которого я не смог отказаться. Как уже говорил раньше, меня пригласили работать к Ходорковскому.

— Москва, как известно, не любит приезжих.

— А нигде не любят приезжих, не только в Москве. Но в Москве это, по-моему, ярче выражено. Москва жесткий город! Приезжаешь — забираешь чей-то хлеб, занимаешь чье-то место, которое человек не хочет отдавать, то есть место под солнцем приходится завоевывать. Сейчас в Москве мне, конечно, значительно проще, чем было первое время. Я уже давно привык и к большим расстояниям, и к постоянной гонке. И фамилия Мирза кому-то что-то говорит.

— Ты считаешь, что уже состоялся и занял свою нишу?

— Надеюсь. По крайней мере, есть люди, которые меня знают и слушают, и идут специально для того, чтобы послушать меня. Да и поют мои песни простые люди. Как-то мы поехали отдохнуть в Анапу: заходим в поезд, и в вагоне звучит моя песня. Несколько неожиданно, но приятно.

— Есть такое выражение: если твои песни крутят на базаре — ты популярен.

— Если я вышел на сцену, значит, популярность мне нужна. А будут ли мои песни звучать на улице... Это просто подтверждает, что то, чем ты занимаешься, не пустое, это нужно кому-то еще, кому-то нравится.

— В чем ты больше добился успеха — в медицине или творчестве?

— Если честно, то я как-то об этом не думал. Все же относительно. Сейчас я работаю в хорошей клинике в Москве. Ну да, меня стали узнавать, я слышу свои песни, когда их поют обычные люди, мне приходят письма на сайт с благодарностью. Но сказать, что это большое достижение, я не могу. Если тебе дано это свыше, и ты можешь петь, значит, ты должен петь.

— Получается, что всегда надо думать только о хорошем?

— Ну, мы же всегда чего-то хотим, не зная, что нам это принесет. Поэтому я говорю: бойтесь своих желаний, они иногда сбываются и неизвестно, что тебе это принесет — радость или печаль.

Скорая помощь

